

М. НАЛБАНДЯН И ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Доктор филол. наук С. К. ДАРОНЯН

В двадцатых числах мая 1862 г. Микаел Налбандян возвращался в Россию из заграничной поездки (1860—1862). Накануне отъезда из Парижа он получил записку от И. С. Тургенева, датированную 21 мая (2 июня) 1862 г.: «Любезный Налбандов, я еду завтра, только не в 7 часов утра, а в 5 часов вечера. Если вы поедете утром, то знайте, что я в Петербурге остановлюсь в гостинице Клея, а в Берлине в Hôtel de S.-Peterbourg, а приехавши — тотчас дайте мне знать. Преданный Вам *Ив. Тургенев*»¹.

Точная дата приезда Налбандяна в Петербург неизвестна. 25 или 26 мая он остановился у своего друга Л. Хафафова. Вскоре, как было условлено, Налбандян встретился с Тургеневым, приславшим ему записку следующего содержания: «Сказать г-ну Налбандову на Васильевском острове, в Биржевом переулке, в доме Меняева, на квартире № 46² — что г. Тургенев приехал и остановился в гостинице Клея, № 21. Он будет дома сегодня от 7 до 8 ч. вечера, а завтра от 11 до 12»³. Записка не датирована.

Встречался Налбандян в Петербурге и с женой брата М. А. Бакунина, Н. С. Бакуниной, в связи с делом по организации переезда жены М. А. Бакунина Антонины Ксаверьевны из Иркутска в с. Премухино Тверской губернии (родовое имение Бакуниных), а оттуда, если удастся, — в Лондон, о чем Бакунин настоятельно просил Налбандяна и Тургенева перед их отъездом. Предприятие это было весьма трудное и сопряженное с большим риском, поскольку Бакунин, бежавший в конце 1861 г. из Сибири, считался политическим преступником, а два его брата были заключены в Петропавловскую крепость в связи с адресом тверских дворян царю по поводу «крестьянской реформы» 1861 г. И это хорошо понимал А. И. Герцен, который еще в Лондоне всячески отговаривал Налбандяна от вмешательства в дело Бакунина. Стремясь обезопасить своего юного друга, он в письме от 21 апреля 1862 г. просит Тургенева: «Не вели ему (Налбандяну, — С. Д.) возить сюда жену Бакунина»⁴.

¹ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV, М.—Л., 1962, стр. 391.

² Квартира Л. Хафафова. Дом этот сохранился, находится он неподалеку от здания университета. В период учения Налбандяна в Петербургском университете (1859—1860) квартира Хафафова была местом сходов армянского студенчества.

³ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. V, М.—Л., 1963, стр. 8.

⁴ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти т., т. XXVII, стр. 218.

Однако Герцен, Тургенев и Налбандян не могли устоять перед настойчивостью Бакунина, тяжело переносившего вынужденную разлуку с женой. Тургенев и Налбандян взялись помочь Бакунину, который буквально засыпал их письмами, не соблюдая при этом элементарных норм конспирации. И все же их старания не пропали даром: в конце 1862 г. А. К. Бакуниной удалось выехать из Иркутска в Премухино, а затем и в Лондон⁵.

К моменту приезда Налбандяна в Петербург организационно сформировалось тайное революционное общество «Земля и воля». В его создании видная роль принадлежит А. И. Герцену и Н. П. Огареву⁶. Есть факты, свидетельствующие о том, что Налбандян, будучи еще в Лондоне (в 1861 и 1862 гг.), вошел в состав общества «Земля и воля», а по возвращении в Россию установил контакты с Петербургским центром.

Прежде всего, М. Налбандян разделял точку зрения Чернышевского, Герцена, Огарева и Н. А. Серно-Соловьевича (организаторов «Земли и воли») по основным политическим вопросам. По свидетельству видного деятеля этого общества А. А. Слепцова, Налбандян участвовал в той или иной форме в выработке программного документа «Земли и воли» — прокламации Огарева «Что нужно народу?» (1861)⁷ и цитировал ее в работе «Земледелие как верный путь» (1862, Париж) без ссылок на источник (в целях конспирации). Эта прокламация, пишет акад. М. В. Нечкина, «хранилась в Петербурге на квартире Чернышевского и оттуда распространялась»⁸. Она же убедительно доказала, что идея тайного общества и его программа родились у Огарева и Герцена еще в конце 50-х гг. К началу 1857 г. относится конспиративная «Записка о тайном обществе» Огарева, а в 1859 г. он формулирует задачу и структуру будущего общества («Идеалы»). В другом его конспиративном документе, «Цель русского движения» (1860)⁹, среди округов тайного общества важное место отводится Кавказу. Позднее, в записке Огарева «О тайных обществах и их объединении», или «Заграничные общества...» (март—осень 1862 г.), Кавказ назван в числе главных округов «Земли и воли». «...Надо скорее организовать Кавказ и Урал,— писал Огарев,— так, чтобы они помогли, если западное движение удастся»¹⁰,

⁵ См. Н. Пирумова, Бакунин (серия «ЖЗЛ»), М., 1970, стр. 181—185.

⁶ См. Я. И. Линков, Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов, М., 1964.

⁷ См. А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XI, Пг., 1919, стр. 136—137 (примечания). Эту точку зрения поддержал А. Б. Каринян в статье «Микаэл Налбандян» («На рубеже Востока», 1929, № 11). См. Ա. Բ. Կարինյան, Միքայել Նալբանդյանը և XIX դ. 60-ական թվականների ռուս առաջադրող գործընկերը (Հոգեվաճառ), Երևան, 1979, стр. 112—113.

⁸ М. Нечкина, Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861),— «Литературное наследство», № 61, М., 1953, стр. 475.

⁹ По мнению Я. Линкова, этот документ, дату которого предложила Нечкина, следует отнести к 1862 г.

¹⁰ Имеется в виду польское восстание, намечавшееся на весну 1863 г.

дать ему значение народного восстания... Если же не удастся, то Кавказ и Урал должны продолжать, так чтоб через известное время новое западное движение вышло им на помощь»¹¹.

Из писем Бакунина к Налбандяну и материалов следственной комиссии по делу «32-х лондонских пропагандистов» узнаем, что Герцен, Огарев и Бакунин видели в лице Налбандяна своего надежного агента по распространению «Колокола» и другой лондонской революционной литературы на юге России, на Кавказе и в Турции. В это дело армянского революционного демократа вовлек Михаил Бакунин — человек неумейной энергии, живший, по словам Герцена, «революционным зашем».

В «Былом и думах» Герцен писал о Бакунине: «Он шагал семимильными сапогами через горы и моря, через годы и поколения. За восстанием в Варшаве он уже видел свою «славную и славянскую» федерацию... он уже видел красное знамя «Земли и Воли», развевающееся на Урале и Волге, на Украине и Кавказе...»¹² Уже в первой статье, написанной вскоре после приезда в Лондон, — «Русским, польским и всем славянским друзьям», Бакунин на вопрос, поставленный Огаревым: «Что нужно народу?», твердо заявлял: «Повторяю с *Колоколом*: земля и воля». Расширяя географические и национальные рамки этого боевого лозунга, он остро обличал колониальную политику царизма по отношению ко всем народам России, в том числе и Кавказа, а их освобождение от национального и социального гнета связывал с освобождением России. «Освобожденный русский народ, — писал он, — ...протянет братскую руку всем освободившимся вместе с ним племенам»¹³. В другой статье — «Несколько слов южным славянам» — Бакунин, обращаясь к славянским народам, страдавшим под игом турецким и австрийским, спрашивал: «Вам нужны союзники? Подайте руку соседям вашим — румынам, армянам, ныне также восставшим за свою независимость»¹⁴. Эти статьи сделали имя Бакунина популярным в революционных кругах на Балканах.

При аресте Налбандяна был найден пакет с оттиском статьи Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», с фотокарточкой и письмом Бакунина от 27 февраля 1862 г., адресованным П. П. Лялину в г. Сумы Харьковской губернии¹⁵. Налбандяну пришлось выкручиваться, доказывая «непричастность» к содержимому в пакете с номером «Колокола».

В Бакунине Налбандяна привлекали прежде всего интернациональный пафос его выступлений и революционный энтузиазм. Идея интернационального братства и солидарности, освобождения поработенных на-

¹¹ Н. П. Огарев, Избр. соц.-политич. и философ. произв. в 2-х т., т. II, М., 1956, стр. 78—79.

¹² А. И. Герцен, Собр. соч., в 30-ти т., т. XI, стр. 371—372.

¹³ «Колокол», № 122—123, от 15 февраля 1862 г.

¹⁴ Там же, № 128, от 8 апреля 1862 г. Курсив наш.—С. Д.

¹⁵ С Лялиным Бакунин познакомился во время ссылки в Томске.

ций были, по признанию самого Бакунина, его «*idée fixe*» и его «практической специальностью», начиная с революций 1848—1849 гг. в Западной Европе¹⁶. С этим настроением он прибыл в Лондон в конце декабря 1861 г., и русская революция как залог спасения всех других угнетенных народов стала главной и конечной целью всей его последующей бурной революционно-практической деятельности.

Именно в этот период наивысшего духовного подъема и энтузиазма Бакунина с ним сближается в Лондоне Налбандян. Весь в революционном порыве, Бакунин увлекал за собой и других. Позднее Петр Кропоткин скажет о нем: «Оттого, может быть, он и обладал такой магической силой, что верил в человека, верил в то, что великое дело, к которому он его приобщал, пробудит в человеке то, что в нем есть лучшего. И оно действительно пробуждало, и под влиянием Бакунина человек давал революции в короткое время все лучшее, на что был способен»¹⁷.

Под воздействием Бакунина оказался и Микаел Налбандян. Не случайно Н. А. Тучкова-Огарева запомнила его именно в связи с приездом Бакунина: «В бытность Бакунина в Лондоне между приезжими из России помню одного армянина по имени Налбандов... Бакунин им окончательно завладел; каждый день ходил с ним по Лондону...»¹⁸

Бакунин давно вынашивал планы уничтожения Российской, Австрийской и Турецкой империй, освобождения всех угнетенных народов мира, чем и сумел увлечь за собой Налбандяна, разделявшего его взгляды на спасение своей родины. В этом отношении любопытно письмо Бакунина из Лондона к Гарибальди от 10 мая 1862 г. «Откуда начнется движение? — спрашивал Бакунин. — Подаст ли сигнал честолюбие и внутренние обстоятельства Франции? Будет ли это внезапное восстание народов итальянского, мадьярского, славянского, *армянского* и греческого? Будет ли это все-таки русская революция? Вот в чем вопрос. По крайней мере употребим все старания, чтобы эти восстания способствовали и достигли одной цели: совершенное освобождение Италии, *восстание и освобождение всего Востока*»¹⁹.

Для реализации столь смелых и грандиозных замыслов неутомимый бунтарь подыскивал себе все новых и новых надежных агентов, снабжая их конспиративными средствами связи Лондонского центра. Среди них был и Микаел Налбандян, для которого задача освобождения армянского народа в России и Турции была неотделима от успеха освободительного движения великого русского народа. Вслед за Бакуниным он писал в брошюре «Земледелие как верный путь»: «Северный столп²⁰ заколебался... *Зарождающуюся в России свободу смело можно*

¹⁶ Из письма Бакунина к Герцену от 3 сентября 1861 г. из Сан-Франциско («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 189—190).

¹⁷ П. Кропоткин, Анархия, ее философия и идеал, М., 1906, стр. 62.

¹⁸ Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, М., 1959, стр. 189—190.

¹⁹ Мих. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 87. Курсив наш.—С. Д.

²⁰ «Северный столп» — символ самодержавия, имеется в виду гранитная колонна на Дворцовой площади в Петербурге, сооруженная в память Александра I.

назвать свободой для человечества, ибо она имеет под собой почву, так как русские не только для себя добиваются свободы, они проповедуют свободу и... для Польши и Финляндии, Малороссии (15 млн. народа), Кавказа, Грузии и Армении... Освобождение России имеет огромное значение для освобождения всего человечества...»²¹

Следы «бакунинских материалов» мы находим и в других местах «Земледелия». Описывая положение в России после пресловутой «крестьянской реформы», Налбандян приводит опубликованный в «Колоколе» (от 22 марта 1862 г.) полный текст адреса тверских дворян царю от 2 февраля 1862 г. как свидетельство усиления противоречия в «верхах». В комментариях к тексту Налбандян сообщает, что в числе арестованных и посаженных в Петропавловскую крепость по «тверскому делу» были и два брата «известного М. А. Бакунина, который как вождь германской революции (1848) был арестован в Дрездене²² и после восьмилетнего пребывания в тюрьме и четырехлетней ссылки в Сибири, спасшись чудом, через Японию и Америку добрался до Лондона...» (II, 73). Сведения о Бакунине были взяты Налбандяном из личных бесед с ним, а также из статьи Герцена «М. А. Бакунин», напечатанной в «Колоколе» от 15 января 1862 г. в качестве передовицы и посвященной приезду Бакунина в Лондон после побега из Сибири²³.

Зная о революционной направленности «Земледелия», Бакунин, Огарев и польский эмигрант Людвиг Чернецкий, занимавшийся делами Вольной русской типографии в Лондоне, приняли горячее участие в тайной переброске в Россию, под видом поваренной книги, брошюры М. Налбандяна, вышедшей под псевдонимом С. Маникян. 25 мая (6 июня) 1862 г. Бакунин сообщал Налбандяну: «Посылаю вам брошюру, о которой вы просили для вашего приятеля²⁴, на тарабарском языке — то есть пошлю, если Пан (Чернецкий, — С. Д.) ее получил и выдаст мне сегодня. — Писал к нему еще третьего дня на этот счет, но никакого ответа еще не получил — сейчас сам к нему отправлюсь. — Сколько даст, столько и пошлю — ведь он бедовый»²⁵. Через десять дней Бакунин вновь пишет Налбандяну: «Вряд ли это письмо застанет вас в Петербурге. Брошюры ваши я получил только на днях, — и дня через четыре отошлю к вам две. Костеров (Огарев, — С. Д.) также взялся переслать вам несколько экземпляров»²⁶. А 23 июня (5 июля) Бакунин передал

²¹ Микаэл Налбандян, Сочинения в 2-х т., пер. с арм., под ред. С. К. Дароняна, Ереван, 1968—1970, т. I, стр. 73. Курсив наш, — С. Д. Далее ссылки на это издание даются в тексте указанием тома и страниц.

²² В работе «Революция и контрреволюция в Германии» Маркс и Энгельс назвали Бакунина «спокойным и хладнокровным вождем» Дрезденского восстания.

²³ «Бакунин, — писал Герцен, — приходит к нам с удвоенной любовью к народу русскому, с несокрушимой надежд и сил...».

²⁴ Имеется в виду Л. Хафафов, на чей адрес переправлялось «Земледелие» Налбандяна.

²⁵ Мих. Лемке, Очерки..., стр. 82.

²⁶ Там же, стр. 130.

агенту Герцена и Огарева П. Ветошникову письмо для вручения Налбандяну, в котором сообщалось, что послано десять экземпляров «поваренной книги»²⁷.

Из переписки Бакунина с Налбандяном можно заключить, что автор «Земледелия» был в курсе назревавших крупных событий в России, в частности польского восстания. В письме Бакунина к Налбандяну от 4(16) июня 1862 г. есть такие строки: «...Буду лучше писать вам по словарю И. С. (Тургенева,— С. Д.) — перепишите, и будем употреблять его,— он полнее и удобнее... Прибавлю еще, что мы, наконец, встретили несколько людей из Александровского (Варшавы,— С. Д.), с которыми могли тесно связаться — и сдружились также с проживающей там Верою Николаевною (то есть «Землей и волей»,— С. Д.), которая не только с нами согласна, но положительно с самоотверженным *геройским* требует дела»²⁸.

Ясно, что здесь имеются в виду налаженные связи Лондонского центра с Варшавским отделением «Земли и воли» и революционным «Комитетом русских офицеров» в Польше, возглавившими подготовку к польскому восстанию, и, конечно же, Налбандян знал об этом, если Бакунин сообщал ему о новостях по данному «делу». Положение в Польше его волновало. Не случайно друзья Герцена и Огарева, польские эмигранты Л. Чернецкий и С. Тхоржевский сблизились в Лондоне с Налбандяном — представителем еще одного угнетенного народа в царской России.

Налбандян, как показывают факты, располагал конспиративными шифрами тайного общества «Земля и воля». М. В. Нечкина приводит шифр из писем Бакунина к Налбандяну, которым пользовался и Огарев в записке (март—апрель 1863 г.), переданной члену «Земли и воли», сыну Герцена Александру для связей общества с Финляндией и Швецией. В шифре Бакунина, например, Петербург значит как «Або», а сын Герцена — «Jupioг»²⁹. То же самое — в секретной записке Огарева и в его письме к Бакунину от 8 мая 1863 г.³⁰

Налбандян в легальной литературе пользовался условной терминологией общества «Земля и воля». В проекте Огарева о тайном обществе («Идеалы») лица, сознательно посвятившие себя революционному делу, названы «апостолами», а центры общества — «апостольскими»³¹. В «Былом и думам» Герцен, характеризуя личность выдающегося польского революционера В. Ворцеля (1799—1857), писал: «Ворцель принадлежал к великой семье мучеников и апостолов, пропагандистов и поборников своего дела, всегда являющихся около всякого креста, около всякого освобождения...»³² С термином «апостол» в смысле «революцио-

²⁷ Там же, стр. 27—28.

²⁸ Там же, стр. 130. Курсив наш,— С. Д.

²⁹ Там же, стр. 74, 79.

³⁰ Н. П. Огарев, Избр. соц.-политич. и философ. произв., т. II, стр. 113, 480.

³¹ Там же, стр. 65.

³² А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти т., т. XI, стр. 125.

нер-подпольщик» мы встречаемся и в следственных материалах по делу Казанского отделения «Земли и воли» (1863—1865)³³.

В том же значении слово «апостол» употреблял и Налбандян в книге «Земледелие как верный путь». В одном месте он говорит об «апостолах свободы», взявших на себя «святую и высокую миссию» проповедовать «народу истину» и выставлять «напоказ вероломство правительства» (II, 73), в другом — дает развернутую характеристику им: «...Вопрос о *человеке и хлебе*... разрешится рано или поздно, хотя бы и с ужасными бурями. И ничто не сможет воспрепятствовать этому — никакое насилие, никакая консервативная система, никакое сопротивление, откуда бы оно ни шло, несмотря на то, что сегодня *апостолы* и *пророки* этого будущего и подвергаются преследованиям и ссылкам» (II, 88; курсив наш, — С. Д.). Здесь Налбандян, очевидно, имеет в виду соратников Чернышевского: томившегося в то время в Петропавловской крепости В. Обручева и сосланных в Сибирь М. Михайлова, Е. Михаэлиса и других революционеров, о которых он мог узнать от Герцена и Огарева или прочесть в «Колоколе».

Налбандян пользовался словами «апостол» («*шпшршл*») и «пророк» («*дшрқшрѣ*») как синонимами. Так, в «Земледелии», намекая на Т. Шевченко, он говорил, что царское правительство «сковывает цепями» Украину, а ее «пророкам свободы отвечает тюрьмами, кнутом и ссылкой» (II, 96). Кстати, и сам Шевченко пользовался той же символикой: «апостолами» у него названы декабристы, а Герцена он провозглашал «нашим апостолом»³⁴.

Таким апостолом, или пророком, свободы был и сам Микаел Налбандян. Не случайно он уподоблял себя лермонтовскому пророку — гонимому обличителю общественного зла. Выступая на страницах журнала «Юсисапайл» («Северное сияние», 1858, № 5) против тех, кто пытался заглушить голос правды, он писал: «Служить правде — вот священный завет нравственного человека... Немало защитников правды поднялись на эшафот или на костер. Конечно, вы читали «Пророк» Лермонтова. Там говорится:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья;
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня» (I, 295).

Налбандян предпочитал стать великомученником, видя «невозможность служить добру, не жертвуя собой» (Н. А. Некрасов, стихотворение «Пророк»). Уже будучи в Петропавловской крепости, клеймя позором

³³ По мнению М. В. Нечкиной, совпадение названия «апостолы» в «Идеалах» Огарева и тут «говорит о единстве организации и о нитях, идущих от периферийного выступления к руководящему центру» («Литературное наследство», № 61, стр. 472).

³⁴ См. Л. Хинкулов, Тарас Шевченко, М., 1960, стр. 408—409; Е. С. Шаблювский, Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы, изд. 2-е, Киев, 1975, стр. 146.

инквизиторов, он воскрешал в памяти современников трагический образ Галилея. Со страстью истинного борца за прогресс Налбандян с высоко поднятой головой повторял изречение из послания апостола Павла к римлянам: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...» (II, 185). Примерно в то же время другой узник Петропавловской крепости, Н. А. Серно-Соловьевич, в письме к Герцену и Огареву (первая половина 1864 г.) сравнивал себя с апостолом Петром, отрекшимся от Христа. В знак протеста против «гибели братьев», разрывающей его сердце, он посылал «огненные проклятия» в адрес «гадов» — предателей революционного движения, потопленного в крови³⁵.

Для выяснения вопроса о связях Налбандяна с тайным обществом «Земля и воля» очень важно письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу от 24 июня (6 июля) 1862 года. Из этого письма ясно видно, что Налбандян был для адресата не просто знакомым человеком. Огарев писал: «Работайте в провинциях.. Вестей побольше — ради бога. — N (Налбандян, — С. Д.) — золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно, до святости». К этим словам Огарева Герцен сделал приписку: «Кажется, речь о нашем здешнем восточном приятеле. Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его»³⁶.

По мнению Я. И. Линкова, это письмо Огарева и Герцена содержит указания явно директивного характера Петербургскому центру «Земли и воли» и показывает, насколько в то время значительна была роль Лондонского центра в руководстве тайным обществом. Призыв Огарева: «Работайте в провинциях» — был не чем иным, как изложением лозунга «В народ!», и явился отражением его «областнической теории» в деятельности «Земли и воли»³⁷. Поэтому Огарев и Герцен горячо поддерживали Налбандяна как «преданного бескорыстно» человека в общем деле — в работе «в провинциях», в данном случае на Кавказе — одном из важных округов «Земли и воли».

Из приписки Герцена («поклонитесь ему... скажите ему...») можно заключить, что Налбандян *уже* был знаком с Н. Серно-Соловьевичем до отъезда за границу и об этом знали в Лондоне: иначе Герцен не мог бы просить передать привет незнакомому для адресата человеку; значит, он знал, что Налбандян непременно должен зайти к Н. Серно-Соловьевичу — одному из организаторов «Земли и воли». Поскольку Лондон был вторым главным центром тайного общества, то наверняка Налбандян имел поручение к Серно-Соловьевичу от Герцена и Огарева и, по всей вероятности, встречался с ним в Петербурге, в его доме на Нев-

³⁵ Н. А. Серно-Соловьевич, Публицистика. Письма, М., 1963, стр. 265, 414.

³⁶ Н. П. Огарев, Избр. соц.-политич. и философ. произв., т. II, стр. 463; А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти т., т. XXVII, стр. 243.

³⁷ Я. И. Линков, Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева..., стр. 270—271; см. также: Е. Л. Рудницкая, Н. П. Огарев в русском революционном движении, М., 1969.

ском проспекте, где функционировали книжный магазин и библиотека-читальня — по существу, легальная штаб-квартира Петербургского центра³⁸. Как полагает В. И. Романенко, Налбандян был даже в числе руководителей общества «Земля и воля»³⁹. Тем более он должен был побывать здесь, прежде чем отправляться на родину для выполнения заданий, полученных от Лондонского центра. Следует заметить, что в эти же дни И. С. Тургенев, встречавшийся с Налбандяном в Петербурге, дважды заходил в книжный магазин Н. Серно-Соловьевича, которому привез пакет с важными бумагами от Герцена⁴⁰.

Вполне возможно, что через Н. Серно-Соловьевича Налбандян в это время встречался с Чернышевским и другими деятелями Петербургского центра. По свидетельству видного грузинского шестидесятника Н. Николадзе, в книжном магазине Серно-Соловьевича «можно было узнать все политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и знакомиться с ними»⁴¹.

С начала функционирования (осень 1861 г.) книжного магазина и библиотеки-читальни, созданных Н. А. Серно-Соловьевичем при активной поддержке Чернышевского, А. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова и др., управляющим в них работал двоюродный брат Чернышевского — С. Н. Пыпин, родной брат профессора А. Н. Пыпина, с которым Налбандян общался в период учебы в Петербургском университете.

Имя Александра Николаевича Пыпина (1833—1904), профессора истории литературы Петербургского университета, мы встречаем в записной книжке Налбандяна. Причем указан и его домашний адрес⁴². Известно, что на одной квартире с А. Н. Пыпиным жил его двоюродный брат Н. Г. Чернышевский с женой и детьми⁴³. Пыпин близко стоял к кругу «Современника» и испытал на себе определенное влияние Чернышевского. «Моим ближайшим руководителем, старшим товарищем, — признавался он, — был мой двоюродный брат, — не родной, но более, чем родной»⁴⁴. В конце 60-х гг. из-за родства с «государственным пре-

³⁸ См. И. Е. Баренбаум, Н. Серно-Соловьевич (1834—1866). Очерк книго-торговой и издательской деятельности, М., 1961.

³⁹ В. И. Романенко, Мироззрение Н. А. Серно-Соловьевича, М., 1954, стр. 46.

⁴⁰ См. М. К. Клеман, Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 133; Н. Богословский, Тургенев (серия «ЖЗЛ»), М., 1964, стр. 332.

⁴¹ Н. Николадзе, Воспоминания о шестидесятих годах, — «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 32. Курсив наш.—С. Д.

⁴² См. *Մեր շրջիլ նախնիքիս, նրկերի ինկառնար ժողովածու, շրի հատորով, Երևան, 1940—1949, հտտ. IV, стр. 277.*

⁴³ См. Н. М. Чернышевская, Старший сын Чернышевского (публикация В. С. Чернышевской), — «Русская литература», 1977, № 2, стр. 99. После ареста Чернышевского Пыпин воспитывал его детей, а старший сын Чернышевского Александр женился на сестре А. И. Пыпина Полине.

⁴⁴ Цит по статье: Л. М. Крупчанов, Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин. (Своеобразие общественно-литературных позиций), — «Филологические науки», 1978, № 4, стр. 41.

ступником» Чернышевским и близости с М. Михайловым, Н. Серно-Соловьевичем и другими революционерами А. Н. Пыпину было запрещено чтение публичных лекций⁴⁵.

Возможно, А. Н. Пыпин был одним из тех, кто мог познакомить Налбандяна с Чернышевским и другими деятелями 60-х гг., посещавшими дом Пыпина—Чернышевского. И хотя на допросе в Петропавловской крепости в связи с упоминанием имени Пыпина в записной книжке Налбандян объяснял, что он у него, «может быть (!), был по делам лекций и экзаменов»⁴⁶, надо полагать, что во время их встреч разговор шел не только с хозяином дома, но и с другими его жильцами...

В одном секретном письме, содержащем программные указания общества «Земли и воли», мы встречаем имена Чернышевского, Серно-Соловьевича, Герцена, Огарева и Налбандяна. Разве это не свидетельствует о том, что все они так или иначе организационно были связаны между собой?

М. Налбандян пользовался большим доверием и глубоким уважением со стороны русских собратьев по общей борьбе, что видно из того же письма Огарева и Герцена к Н. Серно-Соловьевичу, возглавлявшему вместе с Чернышевским Петербургский центр «Земли и воли».

Для понимания идейных и организационных связей Налбандяна с двумя центрами общества — Лондонским и российским — важно письмо Н. В. Альбертини к С. С. Громеке от 4(16) апреля 1862 г., которое до недавнего времени не использовалось налбандяноведами. В своем письме сотрудник «Отечественных записок» Н. Альбертини, в то время близко стоявший к революционной русской эмиграции, писал другому сотруднику «Отечественных записок» и корреспонденту «Колокола» — С. Громеке: «Пишу к вам, дорогой Степан Степанович, через моего доброго лондонского знакомого, Налбандова. Пользуюсь этим случаем, чтоб сказать вам многое, чего иначе нельзя было сказать. Ежели чего-нибудь не скажу, за кратковременностью срока, оставшегося мне для написания письма, то вам доскажет сам Налбандов, человек вполне пользующийся уважением лондонских русских».

Круг вопросов, затронутых в письме Альбертини, проливает свет на то, что должен был «досказать» Налбандян при встрече с Громекой. В письме речь шла о размежевании революционных демократов с либералами. Упрекая Громеку за сотрудничество в «Русском вестнике» Каткова и уговаривая его уйти из этого либерального органа, Альбертини писал: «Наконец, в 130 № «Колокола» вы получите и еще один аргумент против вашей решимости пристать к «Русскому вестнику» — *«К какой мы принадлежим партии?»*⁴⁷ — возмутительна, как не возмутитель-

⁴⁵ См. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», кн. 3, Саратов, 1962, стр. 187—188.

⁴⁶ У. Ыш, р ш Ы р ш Ы, Ы!ф, фшш. III, стр. 353.

⁴⁷ Имеется в виду статья «Сенаторам и тайным советникам журнализма» («Колокол», № 130, от 22 апреля 1862 г.), в которой Герцен «распек» Каткова за его статью «К какой мы принадлежим партии?» в «Русском вестнике» (1862, № 2).

ны статьи Чичерина». В заключение он взывал к честности «общественного деятеля», к той честности, которая «всякого порядочного человека заставляет произносить имя Михайлова... А для них, для ваших честных людей (т. е. для катковых,— С. Д.), что такое Михайлов — безголосый свистун (кличка сотрудников «Свистка» Добролюбова — приложения к «Современнику»,— С. Д.)»⁴⁸.

Небезынтересно сопоставить теперь это письмо Альбертини к Громеке от 16 апреля 1862 г. с письмом Огарева к Альбертини от 11 мая 1862 г., то есть спустя почти месяц. Касаясь злобных нападок различных либеральных публицистов на «Современник» и на его главного сотрудника Чернышевского, Огарев спрашивал: «Каким образом Громека может соединиться с вредным направлением Каткова, идущего против реальных экономических начал и бессословного самоуправления во имя узенького доктринаризма? Ведь и защитники Чичерина говорят, что они идут по строгому историческому пути, не замечая, или скрывая, что они идут не по историческому пути, а по пути предательского доктринаризма. Эдак вашим друзьям может прийти в голову, что ничуть не грешно соединиться и с этим мнимо-историческим направлением, лишь бы это было против Чернышевского?»⁴⁹ Имена Каткова и Чернышевского подчеркнуты Огаревым с целью резкого противопоставления двух враждебных лагерей.

Как видим, связь между письмами Альбертини и Огарева самая непосредственная. И если Альбертини представлял Громеке Налбандяна как человека, который может «досказать» вопросы, затронутые в его письме, то вряд ли приходится сомневаться в том, что Налбандян, «вполне пользующийся уважением лондонских русских», был в курсе всех главных политических дел Лондонского и Петербургского центров и полностью разделял точку зрения Чернышевского, Герцена и Огарева на коренные вопросы современности, и прежде всего — их отношение к либералам. Именно это единодушие — еще одно доказательство того, что Налбандян вошел в доверие «лондонских русских» и был готов для выполнения поручений по возвращении в Россию.

По приезде в Петербург Налбандяну предстояла еще одна «запланированная» конспиративная встреча — с агентом «Колокола» Н. И. Вороновым. До последнего времени он назывался лишь в связи с письмами Бакунина к Налбандяну, где упоминается и Воронов, что и послужило поводом для его ареста. После выхода в свет книги И. П. Лейберова⁵⁰ намного расширились наши представления о Николае Ильиче Воронове (1832—1888) как об одном из видных деятелей освободительно-

⁴⁸ М. И. Лемке, Очерки..., стр. 136—138.

⁴⁹ И. П. Огарев, Избр. соц.-политич. и философ. произв., т. II, стр. 459. Против злобствующей «полемики» либералов с «Современником» выступил Чернышевский в знаменитых статьях «Полемические красоты».

⁵⁰ И. П. Лейберов, Цебельдинская находка (Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом), М., 1976. См. нашу рецензию — «Уникальная находка» («Комсомолец», 31 марта 1977 г.).

го движения 60-х гг., публицисте, редакторе, ученом-кавказоведе, замечательном человеке.

На основании богатейших архивных материалов, обнаруженных Лейберовым в Цебельде (близ Сухуми) — в бывшем небольшом имении Н. И. Воронова, мы узнаем о его тесных связях с Петербургским и Лондонскими центрами, об участии его в деятельности общества «Земля и воля». Установлено, что он состоял постоянным корреспондентом «Колокола» и «Русского слова», редактор которого Г. Е. Благосветлов, тоже член «Земли и воли», был его другом. Представляет интерес очерк Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря (Из путевых заметок о Южной России)», опубликованный в журнале «Русское слово» (1861, № 11). В нем в завуалированной форме указан способ переброски из Турции на Кавказ «запрещенных товаров», о чем автор очерка расскажет позже в Лондоне Бакунину, а тот передаст этот план Налбандяну.

В письме к Налбандяну от 6 мая 1862 г. Бакунин сообщал, что он «сошелся с одним положительно хорошим и полезным человеком» — Н. И. Вороновым, который учительствовал в гимназиях Ставрополя и Екатеринодара (ныне Краснодар), а по возвращении из-за границы приедет в Тифлис. Бакунин предлагал Налбандяну научить его, как переписываться с Лондоном через Петербург, Москву, а также через Одессу, Тифлис и Константинополь. И добавлял: «Он (Воронов,—С. Д.) и в Европейском и в Азиатском отношении будет полезен»⁵¹.

В следующем письме Налбандяну, от 10 мая, Бакунин уже более подробно излагает программу действий двух агентов Лондонского центра — Налбандяна и Воронова. Предлагался тщательно разработанный план переброски «лондонских запрещенных товаров», т. е. изданий Вольной русской типографии, «в Кавказский край». По получении письма Бакунин советовал Налбандяну написать в Константинополь кому-либо из своих, «дельному и торговому человеку», за которого он мог бы поручиться⁵². Он просил также порекомендовать Воронову, к кому обратиться в Тифлисе для связи с Константинополем. И в заключение: «Постарайтесь устроить это дело, любезный друг; не я один, сам Privat (Герцен,—С. Д.) просит вас о том же... Наш дом вам за него (Воронова,—С. Д.) отвечает, и он готов служить вашим интересам точно так же, как служит нашим»⁵³.

⁵¹ Мих. Лемке, Очерки..., стр. 76—79. В письме зашифрованы имена Герцена, Огарева, Бакунина, Тургенева, Налбандяна и др., а также Петербург, Москва, Кавказ, Армения, Грузия, Турция, армяне, славяне, греки, турки и т. д.

⁵² Имеется в виду так называемая «партия молодых», группировавшаяся вокруг константинопольского журнала «Мегу» («Пчела»), редактируемого соратником Налбандяна А. Свачяном. Эта группа поддерживала связь с Лондоном, о чем свидетельствует секретное письмо С. Тагворяна от 26 мая 1862 г., посланное из Константинополя Налбандяну. При аресте последнего это письмо было отобрано с шифром, в котором значатся имена Герцена, Бакунина, географические названия — Россия, Армения, Польша, Англия, Франция, Италия, Турция и др.

⁵³ Мих. Лемке, Очерки..., стр. 79—81.

Надо сказать, что следственная комиссия, ознакомившись с этими письмами Бакунина, отображенными при обыске у Налбандяна, охарактеризовала последнего и Воронова как активных агентов «лондонских изгнанников». Спустя месяц после ареста Налбандяна председатель следственной комиссии кн. А. Ф. Голицын доложил об этом царю, который распорядился поставить в известность обо всем наместника Кавказа. И 14 августа 1862 г. Голицын послал исполняющему должность наместника выдержки из писем «русского изгнанника Бакунина» к «кандидату С.-Петербургского университета Михаилу Налбандову» и секретное письмо, в котором, ссылаясь на «высочайшую волю» императора, потребовал срочные «предупредительные меры» против «стремления лондонской пропаганды водворить свои сочинения на Кавказе». В конце письма сообщалось, что сделано уже распоряжение «об отыскании и арестовании упоминаемого в оной (переписке Бакунина с Налбандяном,—С. Д.) Воронова...»⁵⁴

В письмах от 6 и 10 мая 1862 г. Бакунин уведомлял Налбандяна, что Воронов прибудет в Петербург в июне, вручит ему от него письмо, а в сентябре выедет в Тифлис. При этом Бакунин настойчиво представлял Воронова как «человека, заслуживающего полного доверия». «Примите его,— писал он,— как нашего друга, вам всеми тремя (Герценом, Огаревым и Бакуниным,— С. Д.) рекомендуемого»⁵⁵.

Встреча Налбандяна с Вороновым должна была состояться, поскольку Лондонский центр, как мы видели из писем Бакунина, возлагал на них обязанность объединить свои усилия в деле распространения подпольных изданий на Кавказе — одном из важных округов «Земли и воли». И несмотря на то, что и Воронов, и Налбандян, словно сговорившись, начисто отрицали на допросах личное знакомство, они не могли не встретиться в Петербурге, имея друг к другу поручения Лондонского центра. Однако категорическое утверждение И. П. Лейберова о том, что в начале июня 1862 г. Воронов посетил Налбандяна и вручил ему письмо Бакунина, номера «Колокола» и «соответствующие инструкции Лондонского центра»⁵⁶, — не подкреплено новыми фактами.

В своих показаниях Воронов подтвердил, что, уезжая из Лондона, он получил от Бакунина письмо для передачи Налбандяну, но он, Воронов, порвал его, «как вовсе ему ненужное». Действительно, это письмо не фигурировало в делах Воронова и Налбандяна. Но следственная комиссия не обратила внимание на одну существенную деталь: Воронов, хотя и порвал письмо Бакунина (разумеется, в целях конспирации), но

⁵⁴ В. Ширшова, *История, блф, 4-й т. IV*, стр. 319. Несмотря на «предупредительные меры», герценовский «Колокол» доходил и до закавказского читателя, а в самом «Колоколе» широко освещалось положение на Кавказе: примерно в тридцати номерах имеются различные материалы об этом крае. См. С. Даронян, М. Налбандян и «Колокол» Герцена и Огарева, — «Литературная Армения», 1965, № 1, стр. 63—70.

⁵⁵ М. х. Лемке, *Очерки...*, стр. 77, 80.

⁵⁶ И. П. Лейберов, *Цебельдискская находка*, стр. 39—42 (гл. «Воронов и Налбандян»).

запомнил главное — адрес на конверте (и следовательно, мог воспользоваться им): «На Васильев. остров, в Биржевом переулке (дома не помню) спросить Хафафова, для передачи Налбандову». Далее Воронов добавил: «...Эта фамилия напомнила (!) мне того армянина, с которым Бакунин желал устроить мое свидание в Париже...»⁵⁷

Герцен и Огарев возлагали большие надежды на Налбандяна и Воронова как своих надежных агентов на Кавказе и искренне были огорчены их провалом, обвиняя в этом Бакунина, нарушавшего элементарные нормы конспирации. 1 сентября 1863 г. Герцен с гневом писал ему: «Болтовней ты погубил не одного Налбандова, а напр<имер> и Воронова; твоя ненужная отметка о нем в письме к Налбанд<ову> свела его сначала в крепость из Кавказа,— а потом в ссылку»⁵⁸.

Наконец, еще об одной встрече М. Налбандяна. В воспоминаниях друга А. И. Плещеева — Филипоса Варданяна читаем: «В связи с судом над Чернышевским Плещеева вызывали в Петербург. По тому же делу привлекался и наш безвременно погибший Налбандян. В беседе со мной Плещеев с большой похвалой отзывался о нем. Я же рассказал ему об обстоятельствах ареста Налбандяна, которые произошли на моих глазах в Ново-Нахичеване»⁵⁹.

Знакомство Налбандяна с Плещеевым могло произойти еще в 1858—1859 гг., когда поэт-петрашевец по возвращении из ссылки включился в активную литературно-общественную деятельность в Москве и Петербурге. По свидетельству современников, Плещеев состоял членом «Земли и воли», был тесно связан с Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым, Шевченко, Н. Серно-Соловьевичем, Шелгуновым, Михайловым и др. В связи с арестом Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Налбандяна, Воронова и др. у Плещеева в 1863 г. был произведен обыск⁶⁰. Свое отношение к узникам Петропавловской крепости поэт выразил в известном стихотворении революционного подполья — «Честные люди, дорогой тернистой...» (1863), впервые опубликованном в сборнике Плещеева в 1905 г.:

Пусть не сплетает венки вам победные
Горем задавленный спящий народ,—
Ваши труды не погибнут бесследные:
Доброе семя даст плод⁶¹.

Эти пламенные строки напоминали знаменитое послание Пушкина в Сибирь к ссыльным декабристам:

⁵⁷ «Մ. Նալբանդյանի Վախճանագրերի ժողովածու», Երևան, 1956, стр. 248—249.

⁵⁸ А. И. Герцен, Собр. соч., в 30-ти т., т. XXVII, стр. 371.

⁵⁹ «Արձագանք», 5 ноября 1894 г.

⁶⁰ Еще летом 1861 г. в III Отделение был послан донос на активных деятелей московского подполья, связанных с Чернышевским. Среди них был назван и Плещеев.

⁶¹ А. Н. Плещеев, Стихотворения («Библиотека поэта»), Л., 1957, стр. 238.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Таков круг лиц, имена которых связаны с тайным революционным обществом «Земля и воля» и с которыми встречался или мог встречаться Налбандян до своего ареста.

Микаел Налбандян застал Петербург пылающим от грандиозных пожаров, начавшихся накануне его возвращения из-за границы и не прекращавшихся до конца мая 1862 г. Близкая к правительственным кругам «Северная пчела» явно намекала как на виновников пожара на студенческую молодежь, в частности на авторов прокламации «Молодая Россия». Эту гнусную клевету о «поджигателях» подхватили буржуазные либералы типа Каткова. В письме к Налбандяну от 23 июня (5 июля) 1862 г. Бакунин, имея в виду слухи, просочившиеся и за границу, с недоумением спрашивал: «Здесь не знают, что думать о ваших пожарах.— Неужели студенты в самом деле участвовали в них? Что-то не верится»⁶². Примерно в это же время, в письме от 26 июня (8 июля) 1862 г. к писательнице Е. В. Салнас де Турнемир⁶³, Огарев также с возмущением говорил об «обвинительных актах катковых, которые лезут присоединиться к обвинительным актам 3-го отделения»⁶⁴, считавшего Герцена и Огарева «поджигателями», вдохновителями петербургских пожаров. На самом же деле пожары явились удобной «дымовой завесой», прикрывавшей наступление реакции в России.

Первой жертвой реакции стал В. А. Обручев — один из ближайших сподвижников Чернышевского и Добролюбова⁶⁵. 31 мая 1862 г. на Мытнинской площади состоялась «гражданская казнь» Обручева; затем его сослали в Сибирь на каторгу. О времени казни сообщалось в газетах. И кто знает, быть может, в толпе, заполнившей эту площадь, стоял и Налбандян, который, с гневом наблюдая за омерзительной церемонией палачей и мысленно посылая в их адрес проклятия, повторял слова из своей брошюры «Земледелие как верный путь»: никакие репрессии не могут остановить ход истории, несмотря на то, что «сегодня апостолы и пророки будущего» подвергаются преследованиям и ссылкам (II, 88).

Седьмого июля 1862 г. император Александр II подписал высочайший указ об аресте Н. Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, М. Налбандяна и др. В тот же день Чернышевский и Серно-Соловьевич были

⁶² Мих. Лемке. Очерки..., стр. 28.

⁶³ С. Е. В. Салнас, сестрой известного драматурга А. В. Сухова-Кобылина, Налбандян встречался в Париже, имея к ней поручение от Герцена. В ее салоне Налбандян познакомился с известной украинской писательницей Марко Вовчок — другом Тургенева, сотрудницей «Колокола» и «Современника».

⁶⁴ Н. П. Огарев, Избр. соц.-политич. и философ. произв., т. II, стр. 465.

⁶⁵ В 1861 г. его обвинили в распространении прокламаций и бросили в Петропавловскую крепость.

посажены в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В конце июля туда был доставлен из Н.-Нахичевана и М. Налбандян.

Петербургский центр «Земли и воли» был парализован, но продолжал функционировать Лондонский центр общества, который активизировал свои действия. В то время, когда царское правительство готовило неслыханную расправу над Чернышевским и его соратниками, Герцен и Огарев «с того берега» открыто объявили о создании революционного общества «Земля и воля». Передовая статья «Колокола» от 1 марта 1863 г. так и называлась: «Земля и Воля». В ней подчеркивалось: «*Во имя этого названия оно победит!*» В те дни родились пламенные строки Огарева:

И верю я — недалеке
Грядет, грядет иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — *Земля и Воля.*

Совет общества через «Колосол» объявлял о сборе средств «в пользу сосланных и ссылаемых и на сопряженные с общим делом расходы». Перепечатывая изданную в России обществом «Земля и воля» прокламацию «Свобода» (№ 1), «Колокол» писал: «...Не застыла и та кровь, которую высасывают у наших сыновей и братьев в казематах Петропавловской крепости...»⁶⁶

Девятнадцатого мая 1864 г. на Мытнинской площади царские инквизиторы учинили «гражданскую казнь» над «коноводитом» молодого поколения — Чернышевским. Примерно в то же время М. Налбандян в секретном письме к своему другу А. Султаншаху говорил: «Это мое письмо будет тебе доставлено не обычным путем. В этом сыром каземате я останусь самое меньшее 6—8 месяцев; варварское правительство не знает, какие средства применить для подавления овогободного слова и уничтожения наших идей... Деяния варвара не имеют ни предела, ни границы» (II, 298).

Вдали от России Герцен и Огарев с болью в сердце и с ненавистью к деспотам восприняли сообщение о приговоре сената Налбандяну, утвержденном Государственным Советом 9 апреля 1865 г.: «..Кандидата С.-Петербургского университета Михаила Налбандова в знании о преступных замыслах лондонских пропагандистов, в содействии им к распространению в России запрещенных их лондонских изданий, в стремлении распространить на юге России, между армянами, противоправительственное движение — оставить в сильном подозрении и затем, как личность неблагонадежную, предоставить министру внутренних дел выслать в один из отдаленных городов России под строгий надзор полиции...»⁶⁷

Второго июня 1865 г. на Мытнинской площади был совершен еще один варварский обряд «гражданской казни» — над Н. А. Серно-Соло-

⁶⁶ «Колокол», № 164, от 1 июня 1863 г.

⁶⁷ М и х. Л е м к е, Очерки..., стр. 223.

вьевичем, после чего его сослали. Спустя полгода был сослан и М. Налбандян — в г. Камышин Саратовской губернии, где он вскоре умер.

Царское правительство расправилось с видными деятелями тайного общества «Земля и воля». Но оно не могло сломить боевого духа тех, кто шел им на смену.

Մ. ՆԱԼԲԱՆԴՅԱՆԸ ԵՎ «ԶԵՄԼՅԱ Ի ՎՈԼՅԱ»

ԳԱՂՏՆԻ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՈՒԹՅՈՒՆԸ

Բանասիր. գիտ. դոկտոր Ս. Կ. ԳԱՐՈՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոգեվաժճում քննության է առնվում «Զեմլյա և Վոլյա» գաղտնի հեղափոխական կազմակերպության գործունեությանը Մ. Նալբանդյանի մասնակցության սակավ ուսումնասիրված հարցը:

«Լոնդոնի պրոպագանդիստների գործով» (որով և պատասխանատվության է կանչված եղել Մ. Նալբանդյանը) հետաքննության հանձնաժողովի, ինչպես և Նալբանդյանի գրագրության նյութերի ու հետազոտողների կողմից նախկինում չօգտագործված այլ փաստերի հիման վրա եզրակացվում է, որ Նալբանդյանը արտասահմանում գտնված ժամանակ (1861—1862 թթ.) եղել է Ա. Ի. Գերցենի և Ն. Պ. Օգարևի գլխավորած «Զեմլյա և Վոլյա» կազմակերպության Լոնդոնի բաժանմունքի կազմում, իսկ Ռուսաստան վերադառնալուց հետո (1862 թ. մայիս-հունիս) անլեզալ կապեր է հաստատել Ն. Դ. Չերնիշևսկու և Ն. Ա. Սերնո-Սոլովևիչի գլխավորած պետերբուրգյան հեղափոխական կենտրոնի հետ:

Նալբանդյանը այս կամ այն ձևով մասնակցել է «Զեմլյա և Վոլյայի» ծրագրային փաստաթղթի՝ Օգարևի «Ի՞նչ է պետք ժողովրդին» (1861 թ.) պրոկլամացիան մշակելու գործին, որը նա օգտագործել է իր «Նրկրագործությունը որպես ուղիղ ճանապարհ» (1862 թ.) գլխավոր քաղաքական աշխատության մեջ: Նալբանդյանը ձեռքի տակ ունեցել է «Զեմլյա և Վոլյա» կազմակերպության անդամների գաղտնի ծածկագրերը և հասցեները: Գերցենը, Օգարևը և Բակունինը հանձինս Նալբանդյանի տեսել են «Կոլոկոլը» և Լոնդոնի մյուս հեղափոխական հրատարակությունները այդ կազմակերպության կարեվորագույն շրջաններից մեկում՝ Կովկասում տարածող վստահելի գործակցի: